

Лев Николаевич Толстой

Письма

(1894)

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Лев Николаевич Толстой

Письма: (1894) / Лев Николаевич Толстой – М.: Книга по Требованию, 2011. – 384 с.

ISBN 978-5-4241-0747-4

ISBN 978-5-4241-0747-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ного бедствия: он организовал широкую кампанию помощи крестьянам, пострадавшим от неурожая. Эта помощь еще больше упрочила тесную связь Толстого с тружениками земли. Великий писатель сам сознавал, ценил и подчеркивал эту связь. «Нынче приехал американец посетитель и говорит, что Америка совершенно та же Россия, но только там нет мужика. Он этим хотел прельстить меня. А я подумал: я бы давно уже умер бы от тоски и отчаяния, если бы его — мужика — не было». ¹ Эти строки раскрывают глубочайший демократизм мышления Толстого и вместе с тем подлинно народные истоки его любви к родине. Для Толстого Россия была немыслима без мужика. В мужике для него воплощалась сила родной страны, ее красота, ее будущность, ее национальное своеобразие.

Отражая думы и чаяния трудящихся деревни, Толстой выдвигал, как главный социальный вопрос эпохи, крестьянский вопрос.

Невыносимо тяжелое положение крестьянства, замученного малоземельем, растущими год от года недоимками, принудительными обработками, произволом помещиков и царской администрации, освещено во всех основных художественных произведениях Толстого последнего периода его жизни. Вопрос о судьбах русской деревни, об ее исконных наболевших нуждах многократно поднимался Толстым в его публицистических работах (и, в частности, в статье «Голод или не голод?», написанной в неурожайном 1898 году, когда писатель возобновил свою деятельность по оказанию помощи голодающим крестьянам). Земельный, крестьянский вопрос занимает много места и в Дневниках Толстого, и в его письмах.

Толстой был страстным противником помещичьего землевладения. Он убежденно и неутомимо доказывал, что лица, не работающие на земле, не должны иметь права владеть ею:

«Казалось бы, должно бы быть ясно каждому образованному человеку нашего времени, что исключительное право на землю людей, не работающих на ней и лишающих доступа к ней сотни и тысячи бедствующих семей, есть дело прямо столь же злое и подлое, как обладание рабами, а между тем мы видим quasi-образованных, утонченных аристократов, английских, австрийских,

¹ Т. 68, стр. 207.

прусских, русских, пользующихся этим жестоким и подлым правом, не только не стыдящихся, но гордящихся этим. Религия благословляет такое обладание и наука политико-экономическая доказывает, что это так и должно быть для наибольшего блага людей». ¹

Но политическая незрелость Толстого сказывалась в том, что он допускал возможность мирного преобразования земельных отношений. Он склонен был считать реальным выходом из создавшегося тяжелого положения русского крестьянства утопические проекты американского экономиста Генри Джорджа, предлагавшего спасти трудящийся народ от нужды и обнищания путем национализации земельных богатств и введения высокого государственного налога («единого налога») на землю. Толстой в ряде статей и письмах много раз одобрял систему взглядов Генри Джорджа. Но фактически Толстой в своих социальных требованиях, конечно, существенно отличался от этого радикально-буржуазного идеолога, которого Ленин язвительно назвал «социалистом-реакционером». ² Толстой хотел не только ограничить помещичью эксплуатацию: его протест был направлен против *всякого* угнетения человека человеком.

По известной характеристике Ленина, идейное содержание творчества Толстого обусловлено прежде всего крестьянским стремлением «смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полипейски-классового государства общегитие свободных и равноправных мелких крестьян». ³ Именно в этом была главная суть социальной программы Толстого. Великий писатель не отдавал себе отчета ни в буржуазно-ограниченном характере этой программы, ни в ее утопичности. Он был убежден, что достаточно отменить частную собственность на землю, чтобы наступило торжество социальной справедливости. Он не видел, что уничтожить помещичье землевладение возможно только революционным путем; не видел он и того, что в конкретных условиях пореформенной России крестьяне

¹ Т. 67, стр. 104—105

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 12, стр. 324.

³ Там же, т. 15, стр. 183.

могут получить помещичью землю только в том случае, если будут действовать в союзе с рабочим классом. В годы, когда зарождалось самостоятельное движение революционного пролетариата России, Толстой оставался далек от рабочего класса и его борьбы, и это лишало его возможности найти подлинные пути избавления миллионов крестьян от гнетущей зависимости и нужды. Но горячая поддержка Толстым справедливых требований трудового крестьянства, его страстные выступления против частной поземельной собственности, направленные на то, чтобы смести до основания власть рабовладельцев-помещиков, — всё это находило живой отклик в народных массах и помогало распатывать устои царизма; всё это — в годы, когда вызревала первая русская революция, — имело бесспорно прогрессивное значение.

Толстой чувствовал, что в России и во всем мире надвигаются большие социальные потрясения. Перед умственным взором художника нередко вставали картины великих, решительных преобразований, ломающих основы господствующего общественного уклада. Его стремление к коренному обновлению жизни временами приобретало предельную остроту и напряженность.

«Существующий строй жизни подлежит разрушению... Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться должен коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитражем; уничтожиться должен сепаратизм узкой национальности и замениться... всеобщим братством; уничтожиться должны всякие религиозные суеверия и замениться разумным религиозным нравственным сознанием; уничтожиться должен всякого рода деспотизм и замениться свободой; одним словом, уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей».¹

Приведенные строки ясно показывают, как противоречиво сочетались у Толстого острейшая ненависть к старому, собственническому миру, сознание неизбежности его гибели, — и крайняя расплывчатость, утопичность положительного идеала.

¹ Т. 68, стр. 64.

Толстой отказывался понимать, что путь к социалистическому строю, к торжеству справедливости и «всеобщего братства» лежит через ожесточенные классовые бои.

Очень существенная сторона политических воззрений Толстого — непримиримая ненависть к либералам. Толстой трезво видел не только полное бессилие буржуазных «постепеновцев», но и их двоедушие, продажность, готовность идти на уступки царизму и на соглашение с ним. Он прозорливо вскрывал всё лицемерие, всю подлость поведения либеральных политиков и публицистов.

В письме к детской писательнице А. М. Калмыковой, написанном в начале царствования Николая II, Толстой напоминает о тех гнусных антинародных делах, которые были совершены (при поддержке либералов) правительством Александра III. Правительство это, говорит он, «узаконило розги; уничтожило почти земство; дало бесконтрольную власть губернаторам; поощряло экзекуции; усилило административные ссылки и заключения в тюрьмах и казни политических; ввело новые гонения за веру; довело одурение народа дикими суевериями православия до последней степени... Либералы же говорили потихоньку между собою, что им всё это не нравится, но продолжали участвовать и в судах, и в zemствах, и в университетах, и на службе, и в печати... Вся эта постыдная деятельность виселиц, розг, гонений, одурения народа, — сделалась предметом безумного, печатавшегося во всех либеральных газетах и журналах восхваления Александра III и возведения его в великого человека, в образцы человеческого достоинства. То же продолжается и при новом царствовании»¹.

Эти сильные, смелые строки Толстого подтверждают положение Ленина о том, что наследие великого писателя по самой сути своей враждебно либерализму.

После смерти Толстого В. И. Ленин, разоблачая либералов, которые лицемерно превозносили умершего писателя, как «великую совесть», указывал: «...Каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму... Одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам

¹ Т. 69, стр. 133—134.

уклончивой «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики». ¹

Но в том же письме к Калмыковой мы находим и другое: повторение беспомощных доводов о «неразумности» освободительного движения народных масс, о вреде всякого насилия, в том числе и революционного. В противовес всяческим попыткам организованной революционной борьбы с самодержавием Толстой выдвигает программу пассивного сопротивления властям. Все его советы носят чисто негативный характер. Он рекомендует: *не* платить налогов, *не* идти на государственную службу, *не* учить детей в казенных гимназиях, *не* исполнять церковных обрядов... Он рекомендует, «не участвуя в правительстве и ни в каких делах, связанных с ним, отстаивать свои личные права человека». ² Подобные идеи Толстого, находя последователей, вносили путаницу в сознание неустойчивых людей, отвлекали известную часть трудящихся, искренно ненавидевших господствующий строй жизни, от революционной борьбы и приносили русскому освободительному движению прямой и сильный вред.

Но сам Толстой был слишком активной натурой и слишком большим, честным, близким к народу художником, чтобы придерживаться собственной, наивной и надуманной, проповеди «неделания». Растущий гнев народа против угнетателей передавался и ему, побуждая его сопротивляться деспотической власти самодержавия. Страстная энергия художника, скованная искусственными рамками ложной религиозной философии, настойчиво искала себе выхода. Наперекор собственной доктрине «всеобщей любви», квиетизма и христианского милосердия Толстой беспощадно бичевал правящие классы. К середине и ко второй половине 90-х годов относятся некоторые из наиболее острых произведений публицистики Толстого, например статья «Бессмысленные мечтания», непосредственно направленная против открыто антидемократического курса, взятого Николаем II и его приспешниками.

Не удовлетворяясь писательской, публицистической деятельностью, Толстой непрерывно, на свой лад, искал способы участвовать в общественной жизни его времени. Участие это

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 296.

² Т. 69, стр. 135.

сказывалось также и в том, что он добровольно взял на себя роль покровителя и защитника людей, оппозиционно настроенных к царизму и преследуемых властями.

В 67—71 томах Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого содержится много писем к влиятельным лицам — генералам, представителям высшего чиновничества, крупным буржуазным благотворителям и даже к царям — Александру III и Николаю II. В этих письмах Толстой заступает или просит заступиться за самых разнообразных людей, пострадавших от произвола царских жандармов. В числе этих людей и отставной полковник Хилков, у которого насильно отняли детей из-за того, что он, будучи противником официальной церкви, не был обвенчан с женой и не крестил детей; и студенты Московского университета, подвергшиеся варварским гонениям за попытки сопротивляться насаждаемой сверху идеологии холопского верноподданничества; и солдаты из крестьян, Ольховик и Середа, репрессированные за то, что отказались по религиозно-нравственным мотивам нести службу в царских войсках. Толстой живо реагирует на всякий конкретный случай самоуправства, жестокости властей, о котором ему становится известно. Он потрясен сообщением о смерти революционерки Ветровой, не вынесшей издевательств тюремщиков и покончившей с собой в Петропавловской крепости, и высказывает твердое намерение «противодействовать этим ужасным злодействам, совершаемым во имя государственной пользы». ¹ Он испытывает живое сочувствие к подсудимым в так называемом Мултанском деле — вотьякам (удмуртам), привлеченным к суду по клеветническому обвинению в ритуальном убийстве, — и выражает горячее желание, чтобы обвиняемые были выпущены на свободу «с помощью всех тех разумных и гуманных людей, которые возмущены этим делом и стоят за оправдание». ² (Как известно, после вмешательства прогрессивной общественности, и особенно благодаря мужественному выступлению В. Г. Короленко, подсудимые удмурты действительно были оправданы.)

Круг тех людей, которым Толстой прямо или косвенно оказывал поддержку, писал, посылал деньги, ободрял теплым словом, был весьма широк. Круг этих людей отнюдь не замы-

¹ Т. 70, стр. 50.

² Т. 69, стр. 103.

кался теми, кого Толстой имел основание считать своими единомышленниками. Великий писатель относился с симпатией к самым различным лицам, пострадавшим от правительственного террора. В обширной переписке Толстого с политическими ссыльными особое внимание привлекают короткие, но очень дружеские письма, адресованные одному из пионеров революционного марксизма в России — Николаю Евграфовичу Федосееву.¹

Толстой неоднократно оказывал помощь сектантам разных толков, которые подвергались гонениям со стороны царских властей за свои религиозные взгляды. Положение сектантов на самом деле представляло собою один из острых, больных вопросов дореволюционной русской жизни. В поведении многих молокан, духоборов или штундистов, которые отказывались исполнять церковные обряды, повиноваться властям, служить в царской армии и т. д., сказывалась, пусть в самой причудливой и отсталой форме, оппозиция не только к официальной церкви, но и к царскому режиму, опорой которого была эта церковь. И. В. Сталин в статье, написанной в 1901 году, перечисляя те слои и группы населения, которые стонут от ига самодержавия, указывал: «Стонут многие миллионы русских сектантов, которые хотят верить и исповедывать так, как им подсказывает их совесть, а не так, как желают православные попы».² Самодержавная власть преследовала сторонников различных религиозных группировок, отрицавших православные формы культа, — в том числе и толстовцев, — с поистине бесчеловечной жестокостью.

Толстой неоднократно проявлял большую заботу о людях, выступавших против самодержавной власти по религиозным мотивам и преследуемых за свои убеждения. Во второй половине 90-х годов он уделил много внимания судьбе духоборов.

Община духоборов отрицала обряды православной церкви и ее догматы. В конце XIX века сторонники этой секты подверглись диким репрессиям со стороны царского правительства за отказ нести воинскую повинность. Их карали тюремным заключением, ссылкой, разлучали мужей с женами, родителей с детьми. Не желая покориться самодержавию, духоборы предпочли

¹ Т. 71, стр. 336, 374.

² И. В. Сталин, Сочинения, т. 1, стр. 22.

эмигрировать за границу. Толстой активно помогал им. Он хлопотал о получении для них разрешения на выезд, занимался о сборе средств, необходимых для переселения за границу; как известно, он пожертвовал им гонорар, полученный за роман «Воскресение».

В 1898 году около 8 тысяч духоборов переселились в Канаду. В организации их переезда весьма деятельно участвовали русские и иностранные приверженцы «толстовства» — Чертков и другие.

Толстой, конечно, не отдавал себе отчета, что избранный духоборами путь пассивного сопротивления властям и добровольной разлуки с родиной был путем ошибочным, ложным. Но у великого писателя всё же порою зарождались смутные догадки, что переселенцы найдут за океаном лишь новую форму рабства. У него возникали сомнения, правильно ли поступает он сам, помогая этому переселению. В апреле 1898 г. Толстой в письме к Черткову говорил о том, что, ознакомившись с условиями переселения духоборов в Канаду, выдвинутыми канадским правительством, он сомневается, «стоило ли столько трудов... для того, чтобы от одного бессердечного и жестокого хозяина перейти к другому, не менее, если еще не более бессердечному». ¹

В обостренном внимании Толстого к судьбе всяких «страдалцев за веру», в многочисленных письмах и воззваниях, написанных им в связи с помощью духоборам, отчетливо сказались реакционно-утопические стороны его мировоззрения — поиски новой, очищенной религии, юридичая проповедь непротiwления злу насилieм. Однако движение духоборов занимало Толстого, конечно, не только как форма религиозной оппозиции: его особенно привлекало то, что они отрицали войны и отказывались служить в царских войсках. Дело духоборов приобрело особую важность для Толстого в связи с глубоко занимавшим его вопросом о путях борьбы против милитаризма.

II

Один из наиболее важных идейных мотивов переписки Толстого (как и его публицистики) в рассматриваемый нами период — осуждение захватнических войн.

¹ Т. 53, стр. 410.

Именно в этот период — в середине и второй половине 90-х годов — завершался переход капиталистического общества в последнюю стадию его существования — империализм. Развертывалась небывалая по своим масштабам гонка вооружений. Заканчивался раздел свободных, «бесхозных» территорий Африки и Азии между крупными капиталистическими странами. Обострялось соперничество между агрессивными державами, складывались военные союзы и блоки, которые должны были определить последующую расстановку сил в первой мировой войне. В систему международных империалистических отношений включалась и царская Россия, которая в 1898 году заключила военное соглашение с Францией, а в конце 90-х годов приняла активное участие в борьбе крупных держав за сферы влияния на Дальнем Востоке.

Интересы русского царизма и мирового империализма тесным образом переплетались между собой. И освободительное движение трудящихся России, в силу объективного хода исторических событий, приобретало всё более ярко выраженный антиимпериалистический характер.

Выступления Толстого против царского самодержавия, против всех устоев буржуазно-дворянского общества и государства были направлены также и против мирового империализма.

Протестуя против эксплуатации человека человеком во всех ее формах, Толстой отдавал себе отчет, что обличаемое им социальное зло существует не только в России, но и в других странах. Говоря о несправии и вопиющей нужде трудящихся и угнетенных масс, он подчеркивал: «И так живут большинство людей во всем мире, не в одной России, а и во Франции, и в Германии, и в Англии, и в Китае, и в Индии, и в Африке — везде». ¹

В противовес либералам, которые считали идеалом для России парламентарную демократию на западный лад, Толстой направлял огонь своей критики не только против правящих классов России, но и против общественной системы Западной Европы и Америки. Он в этом смысле продолжал традиции всей передовой русской литературы XIX века, которая в лице своих величайших представителей — от Пушкина и Белинского до Щедрина — сочетала борьбу против русского самодержавия с обличением лжедемократических порядков, царящих на Западе.

¹ Т. 34, стр. 255.

В 1894 году Толстой писал сыну Льву Львовичу, находившемуся за границей: «...Мне так ясно то учреждение рабства, которым пользуются люди нашего класса... что рабство это, вследствие которого вырождаются поколения людей, возмущает меня, и я, старик, ищу, как бы мне те последние годы или месяцы, которые осталось мне жить, употребить на то, чтобы разрушить это ужасное рабство; но в Париже то же рабство, которым ты будешь пользоваться, получив 500 р. из России, то же самое, только оно закрыто». ¹

За границей — та же несправедливость, та же эксплуатация, то же угнетение масс, что и в царской России, «только оно закрыто» видимостью демократических свобод. Это одна из важнейших мыслей Толстого, многократно им повторяемых в письмах и статьях. В своей публицистике 90-х и 900-х годов Толстой много раз обличал «мнимосвободные» страны Западной Европы и Америки, срывая маски с буржуазной демократии, настойчиво доказывая, что реальная власть в этих странах принадлежит незначительной горстке богачей и глубоко враждебна народу, трудящимся.

Толстой внимательно, неослабно следил за современной ему международной жизнью и приходил к выводу: «Деспотизм, насилие правительств, войны и вооружение всей Европы действительно ужасны...» ² Он чувствовал, что современная ему политика западных буржуазных правительств, как и политика царской России, чревата в недалеком будущем тяжкими военными потрясениями, которые мучительно отзовутся на судьбах миллионов простых людей. Он в очень резкой форме выразил свой протест против гонки вооружений и подготовки новых войн в статье «Христианство и патриотизм», написанной в 1894 году по случаю заключения военной конвенции между Францией и Россией.

Толстой был убежден, что стремление к сохранению мира соответствует самым коренным интересам громадного большинства людей на всем земном шаре. В современную эпоху, писал он, «всякая война между европейскими народами представляется чем-то в роде семейного раздора, нарушающего самые священные связи людей»; он с удовлетворением отмечал, что

¹ Т. 67, стр. 19.

² Там же, стр. 257.